

гося А. С. Мельничука можно отметить такие имена, как-то: В. Н. Топоров (монография о славянском локативе), А. Е. Супрун (разыскания о славянских числительных и их функциях), В. М. Русанівський (диатезы глагола в строе предложения), В. И. Собинникова (употребление падежных и предложно-падежных форм), Т. М. Молошная (субстантивные и адъективные словосочетания), В. И. Дегтарев (категория числа в славянских языках), Т. М. Николаева (функция частиц в высказывании, на славянском материале). Были созданы некоторые представительные сборники по синтаксической компаративистике, напр., о творительном падеже в славянских языках (1958, под ред. компаративиста С. Б. Бернштейна), сборник о сравнительно-историческом изучении славянских языков (1966, под ред. А. С. Мельничука).

Из числа прочих синтактологов, разработавших тот или иной участок синтаксической системы во всеславянском масштабе, заслуживают быть отмеченными особенно: И. Леков, уделявший всегда много внимания межславянским языковым проблемам, М. Деянова и Д. С. Станишева (книга о взаимодействии синтаксического и морфологического планов 1976 г.), М. Ивич (Ivić, несколько интересных статей, напр., об отрицательных, обобщенно-личных и неопределенно-личных высказываниях, о безличном типе с твор. падежом), С. Сятковский (неопределенно-личные предложения в современных славянских языках), Р. Ружичка (Růžička, разыскания по деепричастным оборотам и т. наз. номинальным фразам), В. Панцер (Panzer, книга о славянском кондиционале), Ф. В. Мареш (Mareš, славянская падежная система), Й. Трыпучко (Трупи́ско, книги об адвербиализованном имен. падеже и о множ. числе в обстоятельствах места), Й. Ян (Jahn, славянское наречие), А. Вежбицка (Wierzbicka, слав. дательный падеж с инфинитивом), Е. Курцова (Kurzová, сложное предложение), Д. С. Станишева (синтаксис винительного падежа в вост.-слав. языках).

III. ТРАКТОВКА МАТЕРИАЛА В ПРЕДЛАГАЕМОЙ КНИГЕ — ПРИНЦИПЫ ДЕРИВАЦИОННОГО СИНТАКСИСА

14 Перечисленные в предыдущей главе, а также многие другие работы послужили нам в качестве важной опоры при составлении настоящей книги. Вторым опорным пунктом являлись программные проекты и указания, непосредственно затрагивающие вопросы общей концепции, целей и приемов сравнительно-исторического или сравнительного изучения и описания славянского синтаксиса и грамматики вообще. Полагалось, далее, быть в курсе дела по современным, непрерывно движущимся теоретическим

течениям, от новинок в лоне „традиционной грамматики“, через концепт непосредственно составляющих, через трансформационно-порождающий подход к синтаксическому описанию, вплоть до возвеличения семантического синтаксиса применительно не только к самому лексико-синтаксемному составу, но и к коммуникативному предназначению. Однако наш наибольший интерес всегда привлекали сами живые конструкции, их богатейшее многообразие, созерцаемое в текстах, как и в грамматиках славянских языков и в целом ряде иных источников.

15 Прежде чем дать зарисовку предлагаемой в книге трактовки в макро- и микроразмерах, необходимо отметить еще те указания, которые были высказаны в назидание всех будущих составителей сравнительных синтезов или, по крайней мере, аналитических обработок того или иного поля синтаксической системы. Больше всего этим занимались, видимо, чешские языковеды, в числе их прежде всего Б. Гавранек (Navránek 1958, 1962), подчеркивавший, что в синтаксисе иногда сосуществуют конструкции весьма древние наряду с секундарными, новыми, поскольку здесь не имеется безусловной смены одних средств другими средствами. Не один стимул при сравнительно-исторической интерпретации явлений дают также труды выдающегося богемиста Ф. Травничека (Trávníček 1930, 1931, 1951, 1956). Неустанное внимание уделял подобным вопросам на уровне методологических предпосылок также Я. Бауэр (1963). Из числа прочих методологов сравнительно-исторического славянского языкознания в сфере синтаксиса да будут упомянуты хотя бы: Ю. С. Степанов (1957), В. И. Борковский (1961, применительно к вост.-слав. языкам), Р. Вечерка (Večerka 1962), И. Леков (1977), Я. Седлачек (Sedláček 1980), О. Б. Ткаченко (1981). Исторические основы сравнения нынешнего состояния, имея громадное значение, приводят всегда к попыткам воссоздать исходное праславянское состояние. Поэтому в названных и других трудах специфической проблемой встает стремление к идеалу: целиком реконструировать праславянский синтаксический строй, опираясь при этом, между прочим, на известный треугольник: старославянский — древнерусский — древнечешский языки.

Сравнительный метод, чаще направленный специально на литературные языки современности или недавнего прошлого, находил свое теоретическое обоснование в большем числе статей. Первое место здесь занимает Д. Брозович (1967), в его крупной статье им определяется место и роль стандартных языков в компаративистике, устанавливается ряд критериев для оценки интегрального качества каждого славянского языка. Свое слово по данным вопросам высказывали еще особенно: П. С. Кузнецов (1952—55), С. Б. Бернштейн (1954), К. Горалек (Horálek 1955, 1958), Б. Гавранек (Navránek 1964), И. Немец — Ф. Данеш — К. Гаузенблас (Němec — Daneš — Hausenblas 1959), И. Леков (1959, 1972), А. Едличка (Jedlička 1962), Р. Ружичка (Růžička 1963), Ф. Данеш (Daneš 1965),

В. Барнет (Barnet 1966), З. Стибер (Stieber 1967), В. Полак (Polák 1973), Л. Дэже (Dezsö 1973), З. М. Волоцкая (1975), Е. И. Демина (1978), М. Басай (Basaj 1978), П. Сгалл (Sgall 1978), Р. Симич (Simić 1978), М. Тешителова (Těšitelová 1978), В. К. Журавлев (1980), Г. В. Шаллер (Schaller 1985). Также и автор настоящей книги в свое время взвешивал диалектику эмпирии и дедукции при сравнительном освещении структуры и семантики славянского предложения (Mrázek 1968).

16 Теперь можно приступить к объяснению избранной нами концепции при освещении сравнительного синтаксиса. Концепция эта, в контексте задуманных будущих томов, созревала в течение ряда лет, испытывая некоторые адаптации и уточнения. Пожалуй, даже нынешняя трактовка должна восприниматься не в качестве чего-то окончательного, а в качестве одного из приближений к оптимальному изложению интересующего нас объекта познания.

В основе избранного нами подхода к освещению синтаксического строя славянских языков лежит понятие деривационного синтаксиса. Оно было изложено нами еще раньше (Мразек 1974), будучи навеяно трансформационно-генеративным синтаксисом.⁵ (Несмотря на то что последний теперь больше не в моде, все-таки отдельные его идеи сохраняют свою весомость, плодотворным образом повлияв на прогресс синтаксической мысли; поэтому они продолжают жить в методологическом арсенале многих современных синтаксистов.) В частности, представляется весьма полезным различение глубинных :: поверхностных структур (применительно ко всем планам языковой системы), как и исходных (ядерных) :: производных структур предложения. Неоднократно теоретиками демонстрировалось, как тождество или близость поверхностного, внешнего оформления коммуниката бывает сопряжена с разностью глубинной, референтно-семантической значимости. Конечно, неверно утверждение о том, будто из совсем узкого репертуара ядерных построений можно „производить“ все многообразие конкретных высказываний только путем трансформаций, но, с другой стороны, истинным оказывается необходимость учета генеративной истории разных высказываний. Помимо трансформаций играют роль еще и иные операции, да и численность ядерных образований не уж такая малая, как предполагали раньше.

Наша трактовка синтаксической деривации зиждется на некотором изоморфизме между словообразованием, формообразованием и предложение-образованием, поскольку во всех трех ярусах определенные построения оказываются более простыми или даже самыми простыми, другие же — более сложными, производными, деривированными. Трактовка эта означает, собственно, следующее: всякое конкретное высказывание

---

⁵ К понятию и трактовке синтаксической деривации ср. Kuryłowicz (1936), Храковский (1969), Мурзин (1974, весьма важная книжная работа), Белошапкина-Шмелева (1981), Белошапкина (1983).

(даже в живой, эмоционально насыщенной разговорной речи) может быть возведено к своему корреляту в совершенно точно определенном наборе исходных (ядерных, элементарных, первичных) предложенческих структур в системе языка; так, напр., высказывание *Где же ему быть актером!* возводится к исходному конструкту *Он актер*; дальнейшую иллюстрацию см. ниже. Другими словами: из определенного набора исходных, ядерных структур на входе можно путем соответственных потенциальных деривационных шагов получить на выходе любое конкретное высказывание.

Операции, в результате которых получается на выходе некоторое материально реализованное сообщение, точнее называть не трансформациями, а деривациями, а само конкретное сообщение (если оно не ядерное) будет дериватом.⁶ Если же одно и то же содержание (= денотативное значение, отражающее данную структуру ситуации) может быть стилизовано двумя (в виде исключения и тремя или более) коммуникатами, стоящими на одинаковом деривационном уровне, то можно — вслед за Ю. Д. Апресяном — говорить о конверсивах (Апресян 1974). Конверсивы, как и трансформы, входят в сферу синтаксической синонимии. Упускать из виду синонимические предикативные единицы противоречило бы требованиям современной лингвистики. Поэтому в предлагаемой книге всегда прослеживаются возможные синонимичные стилизации, а при необходимости применяются кое-где также трансформационные операции.

17 Об исходных, ядерных структурах рассуждали и писали немало, особенно в 60-е годы, преимущественно применительно к русскому материалу; ср., напр.: Р. Мразек (Mrázek 1962, на чешском материале), А. С. Исаченко (Isachenko 1966), П. Адамец (1966), Р. Зимек (1968), Г. Г. Почепцов (1971) и М. Кубик (1974, наиболее всесторонняя работа). Первичность их, а вторичность производных структур общепризнается, однако подчас увлечение „ядерностью“ и идеей „однобазовость — полибазовость“ влекла за собою вычурные интерпретации, стремившиеся во что бы то ни стало вскрывать двух- или полибазовость даже несложных коммуникатов, вроде: *Я встретил красивую девушку* — (1) *Я встретил девушку* (т. наз. матричное предложение), (2) *Девушка была красивая* (т. наз. включенное, конституэнтное, составляющее предложение). В самое последнее время утрированный полибазовый подход подобного рода к интерпретации состава предложений изжился.

---

⁶ Понятие и термин трансформация надо, конечно, sobлюсти в качестве сводного обозначения таких операций, при которых перед нами вообще любое преобразование одного построения в другое, причем обычно одно из них бывает первичным, а другое — вторичным. Из многочисленной теоретической литературы о трансформациях, навеянной гл. обр. Н. Хомским, к славянскому материалу относятся особенно: Шаумян-Соболева (1963), Апресян (1974), Р. Ружичка (Růžička, 1963, 1966), Грабе-Адамец (Hrabě-Adamec, 1969), Адамец (1973, 1975), Кубик (Kubík, 1970), Николаева (1960), Зимек (Zimek, 1966, 1970), Уорт (Worth, 1963), Сэссекс (Sussex, 1974).

18 В синтаксической теории получило довольно широкое распространение понятие пропозиции. Образование предложений из пропозиций было наглядно и всесторонне продемонстрировано на русском материале П. Адамцем в его книге (Адамец 1978); там же дается и дефиниция пропозиции в том смысле, что это лексически уже заданная конфигурация, представляющая номинацию некоторой мысли в отвлечении от актуализационных параметров (Адамец 1978, с. 7). Между взглядами нашими и П. Адамца по данной проблематике имеется значительная близость. Между понятиями пропозиции, ядерного предложения и синтаксической деривации существуют теснейшие взаимоотношения. Необходимо, по-видимому, различать два аспекта при оценке высказывания: (1) мыслительно-речевой процесс при актуальном создании коммуниката говорящим, (2) генеративно-деривационный анализ готового уже высказывания через призму теории. Подробнее:

(1) При актуальном мыслительно-речевом акте намечаются, очевидно, следующие ступени: (а) база содержания (рудимент мысли, осознание говорящим определенных отношений между явлениями реального мира) → (б) коммуникативная интенция → (в) лексико-семантическая база (выбор предикатора и, одновременно, производителя предизируемого содержания — или нуль такого производителя) → (г) восполнение имеющихся облигаторных и/или факультативных компонентов → (д) грамматико-интонационное оформление готового высказывания. Все эти ступени, разумеется, проходят мгновенно, обычно в синдроме, а их выявление представляет продукт психолингвистической интерпретации *ex post*. Пропозиция зарождается на ступенях (в) и (г), а ядерное предложение можно было бы постулировать в самом начале ступени (д).

(2) При генеративно-деривационной интерпретации готового коммуниката получают следующие „шаги“ и их последовательность: (а) ядерное предложение, ему свойственна примарная грамматическая и коммуникативная презентация → (б) фазисность → (в) частная („субъективная“) модальность → (г) деагентивация → (д) негативизация → (е) адаптация формы финитного глагола в отношении времени и наклонения → (ж) придание высказыванию общего коммуникативного статуса (вопросительности, побудительности...) → (з) эмоционализация → (и) адаптация в целях актуального членения (интонация, логическое ударение, словопорядок). Необходимо, конечно, еще раз подчеркнуть, что все вышеприведенные шаги только факультативны, в зависимости от готового коммуникативно-экземпляра, подвергаемого нашему анализу.⁷

⁷ Напомним, что идея о движении от элементарной схемы (образца, формулы...) к потенциально более сложному, живому, актуальному высказыванию заинтересовала и ряд других теоретиков. Так, Ф. Данеш (Daneš 1965) дает рекомендации к систематическому синтаксическому описанию славянских языков в следующих терминах: от формулы предложения путем (1) деривации, (2) лексического варьирования, (3) парадигматической модификации, (4) словопорядковой вариантности, (5) интонационного оформления вплоть до конкретного высказывания.

Приведем несколько примеров из русского языка:

Где же ему стать актером! — Он актер — Он станет актером → Он обязательно станет актером → Ему стать актером → Ему не стать актером → Где же ему стать актером!

Разве тебе нельзя перестать курить? = Ты куришь → Ты перестанешь курить → Ты не можешь перестать курить → Тебе нельзя перестать курить → Тебе нельзя перестать курить? → Разве тебе нельзя перестать курить?

Таких нарушений не допускается — М. допускает такие нарушения → Такие нарушения допускаются (М-ом) → Такие нарушения не допускаются → Таких нарушений не допускается.

19 Для сравнительного изучения и описания синтаксиса предложения намеченная методика деривационной интерпретации имеет то перспективное значение, что она содействует лучшей, более четкой стратификации типов славянских конструкций относительно их „глубины“, ступени их нервичности/производности. Она не позволяет ставить на одну доску предложения, сближающиеся по своему внешнему облику, но резко различающиеся по своей глубинной, генеративной природе; напр. р. (а) *Темнеет*, (б) *Нельзя молчать*, (в) *Мне не спится* являются сплошь „безличными“, однако лишь пример (а) будет ядерным построением, пример же (б) — продукт деагентивации, модализации и негативизации, а пример (в) — продукт деагентивации (специфической разновидности) и негативизации. Кроме того, благодаря этой методике внимание синтактологов будет направляться не только на изношенные, потертые уже построения, но также и на обследование и инвентаризацию „деривационных полей“ исходных предложений и, вместе с тем, на иерархизацию, истолкование и межсистемное сопоставление живых микротипов высказываний.

20 Из определения исходности/производности вытекает, что в настоящей книге остаются специально не рассмотренными особенно следующие явления:

(1) Отрицательные предложения, хотя от этого получается несколько досадный семантико-формальный разрыв с аффирмативными структурами прежде всего при общей семантике экзистенции („появления субъекта на сцене“) и обладания (поссиденции). Дело в том, что здесь в общеотрицательных сообщениях им. над. подлежащего часто превращается в род. над. подлежащего, причем может иметь место альтернатива глаголов *быть* — *иметь*; ср. р. *Появились осложнения* → *Осложнений не появилось*; р. *Tutaj są różnice* → *Tutaj nie ma (żadnych) różnic*.

(2) Построения, предикцирующие именной, непроцессуальный признак, если в них вместо примарного глагола типа р. *быть* выступают модификаторы вроде *оказаться*, *стать/становиться*, *служить* и т. д. Подобные явления относятся отчасти к фазисной деривации (ср. *Было холодно* → *Стало холодно* „начало быть холодно“), отчасти к субституции примарных десигнаторов другими, отчасти же еще к другим рубрикам.

(3) Случаи с замещением той или иной позиции инфинитивом, поскольку тогда речь идет либо о субституции (р. *Играть в шахматы меня не устраивает* → *Игра в шахматы меня не устраивает*), либо о двухбазовости, о контаминации двух глубинных предикативных единиц (ср. *Я посоветовал ему взять такси; Здесь мокро сидеть* „Здесь мокро, что касается возможности посидеть“). Сюда же входят еще иные случаи замещения синтаксической позиции непримарным десигнатором.

(4) Вообще двухбазовые структуры разного состава. Это имеет место не только в пределах поверхностного простого предложения (ср. *Он работал там монтажником, Мы решили отказаться от участия*), но и в пределах стилизации с помощью сложного целого (ср. *Мы решили, что...; Я желаю, чтобы...*), не говоря уже об осложненных структурах с деепричастиями и причастиями, конденсаторами целой придаточной части. Правда, в самое последнее время наблюдается отклон от предлагаемого здесь объема понятия ядерного предложения: в связи с упором на валентностно-сочетаемостную характеристику предиката и на общую семантическую нагрузку конструкции (несущую минимальную, но полную информацию), цитированные примеры *Мы решили, что...*, *Я желаю, чтобы...* тоже признаются исходными, „основными“ (*základové větné struktury*“, см. Daneš — Komárek 1975).

(5) Неглагольные (в глубинной структуре) коммуникаты. Они занимают специфическое положение, их нельзя причислять к основным схемам исходных предложений, ибо им недостает структурной коммуникативной, маркированной оформленности. Большинство из них являет собой коммуникаты или побудительные, или эмоциональные, или эллиптические. Их подробное обследование на чешском материале было сделано нами уже раньше (Mrázek 1962). В концепте сравнительного многотомного славянского синтеза им можно отвести место в рамках структур производных, в качестве особого раздела. В формально-функциональном аспекте все они, однако, дают лишь мало интересных межславянских своеобразий.

21 Вышеуказанный механизм синтаксической деривации, разумеется, находит свое полное применение лишь при систематической разработке производных, деривированных структурных схем предложений. В настоящей же книге он используется гл. обр. постольку, поскольку при объяснении тех или других конструкций встает необходимость отмежевания их от иных, близких конструкций неядерных. Важно отдавать себе отчет в том, что производные схемы могут совмещать в себе два или более деривационных шагов (или же „спецификаторов“). Например: *Проект начал обсуждаться* (нереляционная деагентивность + фазисность); *А. Мне что-то не работается.* Б. *Тебе должно работаться!* (реляционная деагентивность + частная модальность + эмоциональность); *Алеше нельзя продолжать выступать переводчиком* (двухбазовость + фазисность + частная модальность + деагентивность + негативизация); ч. *Nesmí tě být slyšet* (частная модальность /a/ — „je slyšet“ + частная модаль-

ность /b/ — „smí“ + деагентивация + негативизация). Наибольшее „совместительство“ деривационных спецификаторов свойственно, по-видимому, следующему конструкту из чеш. языка, имеющему, пожалуй, шансы на отмеченность в тексте: *Cožpak odsud už i Sněžku musí být začít vidět?!* Здесь налицо следующие координаты: деагентивность + частная модальность /a/ — „je vidět“ + частная модальность /b/ — „musí“ + фазисность + вопросительная общая модальность + эмоциональность + маркированный словопорядок на службах актуального членения; итак, всего 7 ступеней, шагов, от исходной структуры: *X. vidí odsud Sněžku*, вплоть до этого высокого деривата.

В будущем надлежало бы обработать в одном томе все это многообразие производных структур славянского простого предложения. А следующие тома имели бы своим содержанием еще: внутреннее строение предложения, включая модернизированную трактовку членов предложения,⁸ далее сложное предложение и, наконец, синтаксис текста, т. е. строение сверхфразовых коммуникатов. Все подобного рода вопросы были нами уже намечены в специальной статье (Mrázek 1974).

22 В заключение следует здесь еще добавить несколько кратких замечаний. Иллюстративный материал в ходе книги содержит кое-где также и неядерное построение (напр., вопросительное, отрицательное), потому что нам в таких случаях представлялось неуместным, затруднительным упрощать, адаптировать авторизированный литературный пример. Для читателя не составляет, конечно, никакой проблемы отвлечься от этих секундарных коммуникативных параметров. Что же касается методов описания материала, то нам всегда важно стремиться к трезвому, наглядному изложению самих фактов, с выявлением структурных сходств, аналогий или своеобразных отличий отдельных языковых систем. В этом отношении мы во многом идем по следам знаменитых славистов в г. Брно, Ф. Травничека и Я. Бауэра, у которых мы в свое время многому научились. Как уже сказано, в данной книге мы весьма умеренно прибегаем к трансформационным операциям, считая, что их применимость вообще далеко не универсальна и что наряду с трансформацией весьма весомыми оказываются еще приемы редукции и экспансии предложений, далее подстановка (субституция) компонентов коммуниката иными лексемами того же класса или разных классов и, наконец, семантическая экспликация. Последняя означает стилизационную перифразу, вскрывающую сущность глубинной семантики. Пояснить семантическую экспликацию можно хотя бы на одном примере: *Кровь брызнула из раны фонтаном* — „кровь брызнула из раны, образуя что-то, что напоминает

⁸ Ликвидация глав о членах предложения, как ее в последнее время иногда рекомендуют и прямо реализуют, считается нами неоправданной.

фонтан” (ср. Мразек 1964, с. 67, 68).⁹ От алгебраической символики при экспозиции схем (моделей, структур, типов) мы после многих раздумий решили отказаться, ибо: (а) символика обычно не облегчает, а затрудняет удобочитаемость изложений; (б) влечет за собой нежелательную гипертрофию морфологизма, а ведь сущность конструкций задается всегда не только внешними морфологическими показателями, но одновременно и лексическим составом синтаксиса, их категориально-синтаксическими свойствами, да еще общей семантической значимостью коммуниката.

¹⁰ Вместо символики выгоднее прибегать к приведению подходящего типового или микротипового примера, большей частью на русском языке, а если это невозможно, то на другом славянском языке, содержащем в своей системе данный тип или микротип. При общей концепции всего исследуемого объекта служат в высшей инстанции классификационными критериями параметры семантические, т. е. те или другие общие семантические классы предикатов. Описывая же арсенал отдельных моделей и типов, необходимо комплексно учитывать и их семантику, и внешнюю форму, да еще дополнительные системно-функциональные свойства описываемых образований.

IV. ОБЩИЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СЛАВЯНСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

23 Славянское предложение, несмотря на множество детальных и на некоторое количество более весомых внутриславянских расхождений от языка к языку, все же обладает рядом общих признаков. Признаки эти в своей совокупности создают своего рода общий профиль славянского предложения, и его можно типологически сопоставлять с аналогичным профилем других, мировых индоевропейских языков, т. е. германских и романских. Подобное типологическое сопоставление на уровне наивысшей абстракции имеет положительное значение и для лучшего познания сущности славянского синтаксиса, для более выпуклого осмысления многих системно взаимообусловленных явлений. А на более

---

⁹ Семантическая экспликация бывает нередко более точной, нежели трансформационно-порождающие истолкования вроде: *Я советую тебе извиниться перед ним* — (1) *Я советую тебе...* (матричное предложение) (2) *Ты извинись перед ним* (конституэнтное предложение). Ясно, что здесь нарочито превращается факт пока нереальной модальности в реальную модальность.

¹⁰ Упрощающим морфологизмом характеризовались в той или иной мере почти все синтаксические труды периода расцвета трансформационного синтаксиса. Отразилось это — неблагоприятно — и на *Грамматике современного русского литературного языка* 1970, в описании типов предложения. К этому ср., напр., еще трактовку М. Грелля (Грелль 1967) или точку зрения Г. А. Золотовой (в ее книге 1982 г., особенно с. 84, 85, 89).